

БЕДНОСТЬ И БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ В ГОСУДАРСТВАХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2007 г.

И.Л. Сизова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sizovai@mail.ru

Поступила в редакцию 14.03.2007

Анализируются тенденции и перспективы борьбы с бедностью в современных демократических государствах. В статье сравниваются традиционные оценки бедности и инновационные методологии и методики учета бедности. Автор приходит к выводу о том, что в современных подходах по определению бедности в государствах благосостояния предпринята попытка предложить наиболее адекватные пути реформирования существующей системы социального обеспечения и альтернативных средств и методов борьбы с бедностью.

Проблема бедности в современной социальной науке изучается в различных аспектах и проявлениях: среди прочих обсуждаются методология и методики учета бедности, интенсивно дискутируются способы борьбы с ней. В России бедность и ее последствия фигурируют как предмет многочисленных теоретических и общественных споров, противоречий и консенсусных соглашений. Более того, поскольку бедность – относительно «новая» российская проблема, то в принципе логично, что исследователи бедности обращаются к зарубежным методикам и концепциям [1]. Они неплохо изучены и вполне профессионально применяются как в статистических, так и в социологических исследованиях. Однако до сих пор не удается достичь эффективных результатов как в оценке бедности в России, так и в предложениях по борьбе с ней [2]. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного, поскольку вообще трудно отыскать где-либо примеры успешного решения этой социальной проблемы. Можно лишь сослаться на факты достаточно благоприятных государственных действий по смягчению бедственного положения определенных групп населения. Но, с другой стороны, ясно, что эти удачные примеры государственного участия в решении проблем бедности, во-первых, обусловлены общим повышением уровня жизни населения в государствах благосостояния, а, во-вторых, снижение остроты проблемы стало возможным лишь благодаря научной работе и скрупулезному изучению причин и состояний бедности в государствах всеобщего благосостояния в течение очень длительного времени. Таким образом, появились «универсальные» методики изучения бедности,

эффективные для оценки бедности в западных странах, но не работающие у нас [3]. Причина неудачи заключается, на наш взгляд, в том, что у нас в меньшей степени уделяется внимание анализу специфических причин и состоянию бедности, ее динамике, а следовательно, выработке национальных методик обчета бедности и механизмов борьбы с ней.

В странах, относящихся к международной классификации к «государствам благосостояния» [4], всегда отмечается: несмотря на то что существует относительно равномерный уровень жизни населения, похожие стратификационные построения, сходные хозяйственное развитие, системы социального обеспечения, социокультурные условия и ценностные убеждения, бедность имеет часто различное происхождение и внешний вид [5, S. 35]. Тем не менее в сравнительной социальной политике считается возможным сопоставлять основные показатели динамики бедности в этих странах, искать общие и особенные черты [6, S. 38]. Мы не ставим себе задачей сравнение концепций и методов исследования бедности в России и за рубежом, это было бы по многим причинам недопустимо. Между тем для того, чтобы понять в каких условиях работает эта система, следует обратиться к изучению бедности и ее последствий в западных странах, к анализу основных концепций и методик оценки бедности, а также приоритетных механизмов борьбы с ней.

Борьба с бедностью является основной целью социальной политики и одновременно «ценностным измерением государства благосостояния» [7]. В американской и европейской социологии принято рассматривать три аспекта бедности, хотя

всеобщего консенсуса по этому поводу достичь не удалось [8, S. 158].

Во-первых, бедность воспринимается как форма неравенства, как бедность определенных частей общества, образующих нижнюю страту социальной структуры. В результате важнейшей частью анализа становится ответ на вопрос о том, насколько социальное неравенство значительно для данного общества.

Во-вторых, разделяются понятия «бедный» и «принадлежащий к нижнему социальному слою». Эта связь не двухсторонняя: если бедных относят к нижнему слою общества, то принадлежащие к нижнему социальному слою не обязательно являются бедняками. Если бы это было не так, то бедность исчезла бы вместе с социальным неравенством. Поэтому бедность больше рассматривается как состояние материальной депривации и определяется различными способами, но чаще всего исходят из минимального стандарта жизнеобеспечения, принятого в обществе. В большинстве государств благосостояния минимальный стандарт включает в себя такие неотъемлемые характеристики жизнедеятельности, как питание и жилье.

В-третьих, признается, что бедность в относительном размере неизбежна. И если какой-нибудь недостаток в жизнеобеспечении признается в качестве бедственного состояния, то это означает, что здесь присутствует обязательно общественный контекст: одно и то же положение материальной депривации в данном обществе и в конкретное время может трактоваться как бедность и не быть ею в другое время или в других обществах. В основании таких суждений лежат географические и исторические условия, но, главным образом, доминируют культурные представления о «нормальной жизни». Таким образом, о бедности и бедных говорят в современном социально-политическом смысле только в том случае, если определенные части населения наделяются соответствующим социальным статусом [8].

Наряду с общественно-политическим определением бедности значение имеет исторический контекст. В Европе «бедные длительное время являлись постоянной и достаточно интегрированной составной частью христианско-западного общества» [8, S. 164]. Если первые дифференциации бедности появились еще в средние века [10, с. 302–352], то изменения в истолковании бедности считаются неотъемлемой чертой нового времени, хотя надо отметить, что пауперизация крестьянства

неравномерно распределялась по территории Европы [11]. Постепенно, в рамках социально-политического процесса раннего нового времени (особенно в условиях образования национальных государств), формировалось восприятие бедности в качестве социальной проблемы. Основные усилия были направлены не на облегчение нужды и выработку защитных механизмов против бедности, а, наоборот, на борьбу с бедными. Вследствие этого сформировался институциональный механизм, получивший название «контроля над бедными» [12]. Развитие протестантской этики, со страстью описанной М. Вебером, способствовало изменению оценки бедности в сторону осознания бедных в качестве объекта систематической политики, суть которой сводилась к защите «приличного» населения от бедности и бедных. В условиях реформации постепенно закрепилось понимание бедности как следствия собственной вины (индивидуальной ошибки и ошибочного поведения): например, в случае лености и алкоголизма. Интересно, что подобные оценки бедности, а также указание на то, что бедные (т.е. получатели социальной помощи) сами ответственны за свою судьбу, еще очень распространены и в наши дни [13, S. 272–299].

Серьезные коррективы в понимание бедности в западных странах внесло развитие индустриального производства и промышленного пролетариата. Ввиду этого уже гораздо чаще стали уделять внимание социально-экономическим причинам бедности. Бедность трудящихся в начале XX столетия наконец стала восприниматься как следствие «нормальных» капиталистическо-индустриальных производственных отношений. Во многом этому способствовало развитие экономической теории [14, с. 1058]. В некоторых странах, более подверженных «социалистической пропаганде» (например, в Германии), цели ранней социальной политики (реформ Бисмарка) виделись не только в защите трудящихся, но и в их интеграции в общество.

Наконец, в течение XX века государства становятся ответственными за проведение т.н. «рабочей политики», тогда как собственно борьба с бедностью еще долгое время оставалась в ведении местных властей и церковных организаций. Иначе говоря, произошло довольно четкое разделение на «рабочую политику» и борьбу с бедностью. Однако эта динамика не была характерна для всех европейских государств. В этом заключается одно из важных отличий

современных государств благосостояния: борьба с бедностью повсеместно является целью социальной политики, а характерная «рабочая политика» (в современном выражении употребляется термин «политика занятости») конституализовалась только в тех странах, где социал-демократическое политическое и профсоюзное движения стали весомым фактором общественного развития [15, S. 244–259]. Далее последовало разделение механизмов защиты: если защита практически всего контингента зависимых работников в рамках «рабочей политики» осуществляется посредством социального страхования, то борьба с бедностью ведется посредством социальной помощи.

В 1970-е гг. (чуть раньше в США) вновь возрастает интерес к проблеме бедности, и она обретает свою вторую жизнь в виде феномена «новой бедности». С этого времени к бедным стали причислять определенные группы населения, которые ранее рассматривались как те, которым бедность только угрожает. В результате многочисленных научных исследований стало понятно, что по крайней мере временная бедность охватывает значительно большую часть населения, чем считалось. Параллельно стали изучать типичную «карьеру бедных», анализировать причины получения социальной помощи и случаи отказа от нее. При определении бедности выяснялись вопросы о масштабе бедности, формах бедности и актуализировались группы населения, являющиеся бедными. Но, несмотря на длительные сроки исследования бедности, до сих пор констатируется, что проблема правильного определения бедности и ее обсчета не решена. Консенсус сложился только по вопросу о том, что наилучшего ее определения и пути разрешения не существует [16].

Тем не менее выделяется три центральных аспекта операционализации бедности:

- бедность как материальная депривация;
- бедность как социальная конструкция и общественный (стигматизированный) статус;
- бедность как форма социального неравенства [17].

Концепция бедности как материальной депривации включает в себя, во-первых, учет абсолютной границы бедности, которая вычисляется на основании т.н. минимума существования, включающего потребности лиц или домохозяйств в форме «потребительской корзины». Здесь возможны значительные

вариации, которые зависят от масштаба оценки. В результате граница может растягиваться от установления физического минимума существования (например, определение потребности в калориях) до предельных значений, которые зависят от уровня благосостояния общества. В некоторых случаях считается «жизненно необходимым» владение телефоном или телевизором. В настоящее время речь идет, как правило, не столько о «физическом» (объективным), сколько о «культурном минимуме». Его наличие также «объективно необходимо» для жизнеспособности самого государства благосостояния или в целом для демократического общества [18].

Во-вторых, бедность как материальная депривация может выражаться в несоответствии между накопленными ресурсами (доходами) и жизненными стилями. Поэтому масштаб относительной бедности обуславливается размером наличных ресурсов. В иных концепциях бедности, наоборот, исходным основанием для определения бедности является образ жизни. Поэтому лица с относительно равными ресурсами могут считаться бедными или не быть таковыми. Все зависит от индивидуальных потребностей и способностей. Соответственно, исследователи при подсчете бедности задаются вопросом: в какой степени депривированы люди с точки зрения уровня благосостояния общества, в котором имеют непосредственное значение накопления в таких важнейших жизненных сферах, как жилье, образование, здоровье [19]. Несмотря на убедительность этого подхода, он значительно усложняет эмпирический учет бедности, поскольку размеры бедности должны устанавливаться с учетом многих областей жизнедеятельности. Это обстоятельство осложняет также реализацию социально-политических мероприятий и повышает уровень общественных расходов.

Здесь еще стоит упомянуть два наиболее радикальных варианта учета бедности: в первом варианте настаивают на необходимости учета самоописаний респондентов. Возникает т.н. «субъективная» оценка бедности – бедным считается тот, кто сам себя причисляет к бедным. Она используется в основном для оценки текущей политики по борьбе с бедностью и оценки общего уровня претензий в обществе. Во втором «парадоксальном» варианте границы бедности оцениваются политически: размер бедности зависит от квоты получателей социальной помощи или (более

широко) квоты тех, кто имеет право на получение социальной помощи [8, S.123–129].

Бедность как форма социального неравенства предполагает, что относительная граница бедности обуславливается существующим масштабом неравенства. Все отклонения в худшую сторону от среднестатистического дохода могут быть истолкованы как бедность. В государствах благосостояния определяются обычно 40% («строгая бедность»), 50% (стандарт) и 60% (угроза бедности) границы. Кроме того, при подсчете бедности учитываются различные виды доходов (трудовой доход или предоставляемый доход, индивидуальный доход или доход домохозяйства). Подсчет бедности домохозяйств в настоящее время рассчитывается в основном по «эквивалентной шкале», созданной Организацией экономического сотрудничества и развития [20]. Самый главный недостаток относительной бедности заключается в том, что она снижается или возрастает вместе с колебаниями в обществе степени социального неравенства. И, из-за отсутствия прямой зависимости от коллективного уровня благосостояния, возможно казусное определение бедности: например, миллионеры могут считаться бедными по сравнению с миллиардерами. Или, например, если все доходы в обществе удвоятся, то квота относительной бедности останется неизменной. С другой стороны, вообще могло бы не существовать относительной бедности, если бы все население в равной степени испытывало нужду. Есть и парадоксальные исторические примеры: например, в 1990-е гг. относительная бедность в восточных немецких землях была заметно ниже, чем в Западной Германии [8, S. 132].

Причинами бедности в современных государствах благосостояния являются многочисленные структурные и экономические факторы. Это и безработица, и дискриминация определенных групп населения на рынке труда (женщин, инвалидов, иммигрантов), которые приводят к накоплению высоких индивидуальных рисков. Бедными могут быть и занятые люди. Обычно для обозначения этой формы бедности используется термин «работающий бедняк» («с зарплатой и без денег»). Этот феномен первоначально появился в США, а теперь он широко распространен в Европе [21]. Наряду с «действительно нуждающимися» нередко фиксируется бедность лодырей и тунеядцев. Выделение этой группы бедных вполне соответствует традициям оценки

бедности в западной демократической культуре. В этой связи обсуждаются вопросы «культурного дефицита» и «дефицита социализации». Соответственно говорят о «культуре бедности» [22] и борьбе с ней (в Германии пользуются популярностью пропагандистские кампании, например, «Помощь в самопомощи», и заявления о том, что материальное благополучие основано на тяжелом труде и бережливости) [23, S. 8–16].

В связи с кризисом государства благосостояния появились исследования, авторы которых в качестве косвенных причин бедности называют само государство благосостояния: оно препятствует эффективной борьбе, например, с проявлениями «новой бедности», поскольку длительное время «укрывало» нуждающихся людей, предоставляя им социально-политические услуги (матери-одиночки). Следствием неразборчивой социальной политики стала стагнирующая безработица, поскольку государство благосостояния провоцирует более низкий спрос на труд (рабочие места) из-за того, что зачастую жизнедеятельность определенных групп населения обеспечивается за счет социальных пособий [24].

Всевозможные следствия бедности, как правило, подразделяются на индивидуальные, для самих граждан, и коллективные, для общества в целом. Для жизни людей, попавших в состояние относительной бедности, характерно обеспечение товарами низкого качества (от домашней обстановки до продуктов образования и культуры), материальная несвобода, социальная изоляция и низкая политическая причастность, а также неудовлетворенность своей жизнью, нездоровье и, наконец, низкие жизненные ожидания [25]. Также четко очерчена тенденция по распространению девиантных ориентаций и поведения. При длительной бедности возможна склонность к деморализации в смысле усиления криминальных мотивов в поведении и даже антидемократические ориентации (например, нетолерантность по отношению к иностранцам). Девиантные формы поведения усваиваются в процессе получения социальных услуг. Люди лишаются самостоятельности и способности к самопомощи, они не заинтересованы в выходе из «состояния бедности», для них получение социальной помощи является более привлекательной альтернативой, чем занятость. Эти мотивы поведения более характерны для Европы, где статус получателя социальной помощи в меньшей степени стигматизирован,

тогда как в США к получателям социальной помощи относятся в гораздо большей степени негативно. Велфаризация предполагает также увеличение злоупотреблений в пользовании социальными услугами [26].

Коллективные следствия бедности менее ощутимы и тяжелее доказуемы. Первое, на что обращают внимание, это сверхзатраты государства благосостояния. Чем выше квота бедных, тем жестче нагрузка на бюджет: во-первых, из-за необходимости предоставлять большее число услуг и, во-вторых, из-за снижения потенциального числа налогоплательщиков и вкладчиков в систему социального страхования.

Но более значимыми последствиями для общества в целом являются долгосрочные процессы дезинтеграции. Феномен «длительной эксклюзии» предполагает развитие нового маргинализованного андекласса [27]. Некоторые аспекты распространения этой негативной тенденции ученые видят уже сегодня в увеличивающейся сегрегации и образовании городских бедных кварталов [28]. Поэтому в настоящее время активно развивается в национальных и международных дискурсах бедности новая теоретическая конструкция социальной эксклюзии. За счет ее удовлетворяются современные требования не ограничивать рассмотрение бедности только лишь материальными аспектами. Поэтому в центре анализа находятся не только доходы или жизненные условия людей, но и другие формы ресурсной бедности: например, низкое исходное образование и проблемы в социальных отношениях, которые рассматриваются как самостоятельный, мало зависящий от материальной сферы аспект бедности. В этой многоуровневой концепции бедности «провисает», однако, логика. Авторы, которые не согласны с этим подходом, считают, что малообразованные или хронически больные люди обычно рассматриваются в повседневности как малообразованные и больные, а не как бедные. К тому же постулирование социальной эксклюзии способствует «чрезмерному растягиванию» категории бедности: чем больше уровней и аспектов, тем более расплывчатой становится картина бедности и значительно увеличивается число бедных, поскольку в этой форме задействовано слишком много людей, которые попадают в группу исключенных из-за недостаточных доходов и образования, проблем со здоровьем, неудовлетворительного состояния жилья, недовольства своей жизнью, общением и т.д. [8, S. 144–149].

Социальная эксклюзия, из-за опасности произвольного толкования, воспринимается только как расширительное толкование бедности. Она располагается вне форм социального неравенства, поскольку бедность, связанная с неравенством, направлена на вертикальные различия и тем самым обуславливается связью с моделью стратификационной дифференциации. В противоположность этому, социально исключенными лицами или группами считаются все насильно исключенные из общественных функциональных сфер (из некоторых или из всех): например, из рынка труда, институтов образования, культурной и политической жизни. Таким образом, степень социальной эксклюзии определяется не в форме материальной или иной депривации, а по наличию пробелов вовлеченности (инклюзии) индивидов в общественных субсистемах. Когда говорят о социальной эксклюзии, то часто речь идет о следующих ее специфических признаках [29]:

– многоуровневость. Здесь рассматриваются различные формы дискриминации (доходы, жилищные условия, формальное образование, доступ к информации, наличие социальных прав) и доступ в общественные сферы (рынок труда, систему образования, систему здравоохранения и др.);

– процессность. Социальная эксклюзия описывается как процесс, в котором важен сам механизм, приводящий к эксклюзии или предусматривающий обратное включение (инклюзию) исключенных. Поэтому сюда относят такие важнейшие процессы, как стигматизацию и дискриминацию, сегрегацию и образование гетто;

– интеграция/инклюзия. Цель выхода из состояния бедности – социальная интеграция. Здесь не рассматриваются вопросы неравенства или справедливого распределения, а речь идет о причастности к общественным сферам, при этом бедность по доходам является только одним из многих измерений социальной эксклюзии.

В целом концепция социальной эксклюзии отличается от традиционного понимания бедности тем, что здесь для «нормальной» жизнедеятельности общества часть людей становится как бы «ненужной», тогда как ранее считалось, что бедные являются частью общества. Бедность как «исключение» подразумевает и такое состояние общества, при котором определенные части населения ни теперь, ни в будущем ему не потребуются. Для того чтобы преодолеть эксклюзию, требуется формирование новой социальной политики. Но достичь этого не так-то просто, поскольку для

исключения «исключенности» необходимо разрешить ряд сопутствующих проблем. Например, если принять во внимание процессный характер феномена, то непременно усложнится эмпирический учет бедных. В соответствии с определенным уровнем общественного развития, серьезным недостатком является также и отрицание в концепции «социальной эксклюзии» мотивов индивидуальной вины нуждающегося (едва ли вообще возможно быть виноватым в исключении из общественных сфер).

В предметной и общественной дискуссии о бедности за рубежом анализируются формы борьбы с бедностью. Какие инструменты являются наиболее эффективными? Должна ли это быть социальная помощь или что-то еще? От ответа на поставленные вопросы зависит решение многих злободневных социальных проблем: например, длительной безработицы, с которой совершенно очевидно не справляются традиционные механизмы (страхование от безработицы). Переродилась даже социальная помощь: из своей первоначальной формы – помощи в исключительных случаях – в центральный приемный резервуар для тех, кто больше не защищен системой социального страхования в достаточной степени. Возрастает число «новых бедных» (одиноко воспитывающих детей, маргинализированной молодежи и др.), для которых вообще не предусмотрено помощи из этой дуальной системы.

Это большие проблемы для государств благосостояния, но на самом деле они не требуют каких-то сложных решений [30]. В борьбе с бедностью выход усматривается во внедрении социального базового и минимального обеспечения. Эта довольно старая идея принадлежит немцам и заключается в том, чтобы разделить права на социальные услуги и оплату взносов в систему социального страхования, а вместо этого гарантировать всем получение нацеленных налоговых трансфертов [31, S. 69]. В принципе, в самом подходе нет кардинальных разногласий, однако жесткие дискуссии ведутся вокруг групп получателей помощи, размера обеспечения, необходимости мониторинга нуждаемости и жизнеспособности этой формы в условиях традиционной системы социального обеспечения, ориентированной на занятость (замещение или дополнение). Все предложения сводятся к трем базовым концепциям [8, S.143–149].

1. Все граждане имеют право на получение базового обеспечения, независимо от

индивидуальных потребностей и вложенных средств (налогов, вкладов). Это базовое обеспечение финансируется из налогов. Соответственно повышается эффект декоммодификации: любой человек при желании получает независимость от работы и рыночного принуждения и тем самым разрушается привычная зависимость в контексте «работа и еда» [32]. Однако данная модель, наряду с несомненными достоинствами, выраженными в эффективном преодолении бедности и «закрытии» темы принуждения трудом, подразумевает аномальные и нелепые в условиях современного развития трансфертные издержки. Можно добавить, что если после введения базового обеспечения к существующей уже части неработающих граждан (по разным причинам) прибавится еще часть просто не желающих трудиться, то оставшейся части населения (и особенно высокооплачиваемой части занятых) придется платить такие налоги, которые с лихвой могут превысить размер базового обеспечения. Нельзя исключать и политическое манипулирование, поскольку размер базового обеспечения может быть в любое время изменен (например, принятием нового закона), и наоборот, этот вид обеспечения может быть отвергнут самим населением, если его размер не будет соответствовать имеющимся потребностям и ожиданиям.

2. Эта модель предусматривает получение т.н. «негативного налога на доходы» для тех, кто не имеет доходов на рынке вообще или получает очень незначительный доход. Для этого формируется специальное финансовое ведомство, которое должно заниматься инверсией налогов на доход. Они в научной литературе обозначаются как «гражданские деньги» или «социальные дивиденды» [8, S. 146]. В результате образуемый у получателей доход составляет не более чем социально-культурный минимум. Больше обеспечение, например пенсия, соответствующая жизненному стандарту, создается исключительно частным способом (например, в частных страховых компаниях). Противоречия по поводу внедрения данной модели возникают из-за серьезной опасности появления более выраженных эффектов социального неравенства внутри групп по доходам из-за отмены участия государства в вопросах распределения [31, S. 80]. Как всегда, можно констатировать, что и в этом случае недостатки компенсируются преимуществами, среди которых называются: преодоление случаев бедности и стимулирование занятости.

Например, человек, который на рынке труда получает незначительный доход, имеет возможность добиться более высокого общего дохода суммированием предоставляемого негативного налога и своих заработанных денег, в результате чего образуется модель комбинированного дохода [33, S. 433–443].

3. В этом случае предлагается создать «базовое обеспечение, ориентированное на потребности» (Sockelungskonzeption). Основная цель заключается в том, чтобы сориентировать систему социального страхования на бедных людей. Базовое обеспечение должно стать неотъемлемой частью системы социального страхования, прежде всего по старости и безработице. Социальная помощь становится излишней, и она вполне может возвратиться к своим первоначальным задачам предоставления помощи в исключительных случаях. Сама идея базового обеспечения является следствием убеждения в том, что большая часть социальных услуг уже и так ориентируется на потребности. Но оговаривается, что обновленная система социального страхования не должна удовлетворять все возможные потребности: при ее реализации несколько «мягче» становится мониторинг потребностей (в отличие от мониторинга при оказании социальной помощи). В западноевропейских государствах благосостояния именно с этой формой обеспечения связаны надежды, что получение помощи будет сопровождаться менее выраженным стигматизирующим эффектом, чем в других моделях. Кроме того, ожидаемые затраты на проведение реформы и стоимости обеспечения должны быть предположительно ниже, чем в других моделях. Нерешенными остаются вопросы обеспечения неработающих лиц, поскольку действующие системы социального страхования в основном ориентированы на занятых лиц.

Поскольку все варианты имеют значительные недочеты, то перспективы их реализации на практике сомнительны. Самый главный недостаток всех очерченных моделей заключается в высоких финансовых расходах и, соответственно, в возрастании нагрузки на работающих членов общества. Однако если признать, что перемены необходимы, а затраты государств благосостояния не менее высоки, то исследователи прогнозируют, что при реализации одной из этих моделей возможно даже некоторое снижение затрат [8, S. 149–157].

Есть еще одна сложная проблема, на которую обращают внимание в меньшей степени, но которая вызывает не менее сильные

побочные эффекты, – это неприятие населением любых политических действий по изменению систем социального обеспечения. Причина в том, что население не желает поддерживать нововведения, отрицающие справедливое распределение и увеличивающие «бремя солидарности». В любом случае признается, что вопрос о социальных ориентациях населения мало изучен в современной социальной науке, и наоборот, известно, что сильно ориентированные на принцип солидарности системы медицинского страхования пользуются поддержкой населения [8, S. 149–157].

Население большинства государств благосостояния считает необходимым сохранение государственной ответственности и государственных гарантий в борьбе с бедностью. Более пятидесяти процентов населения в таких странах, как Германия, Великобритания, Италия, США, Швеция, поддерживают государственную ответственность в области обеспечения по старости и здоровья. За исключением США, население одобряет государственные мероприятия по снижению безработицы. В этих сферах приветствуются высокие государственные расходы, особенно это касается обеспечения пенсий и финансирования системы здравоохранения. За введение минимального дохода, гарантируемого государством, голосует население в таких странах, как Германия, Великобритания, Италия. Заинтересовано в продолжении политики по снижению социального неравенства более половины населения во всех вышеперечисленных странах без исключения. Политику государства на рынке труда приветствует население в Германии, Великобритании, Швеции, Италии [34, S. 209–217].

Список литературы и примечания

1. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. Московский центр Карнеги. – Москва. – 2003; Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI вв. / П.М. Козырева. – М., 2004; Государственная политика и стратегии выживания домохозяйств / Под ред. О.И. Шкаратана. – М., 2003; Овчарова Л. Вынужденная бедность / Л. Овчарова. – Фонд «Либеральная миссия». http://www.liberal.ru/libcom_print.asp?Num=106; и др.
2. Бедность и неравенство в России / Научный семинар Евгения Ясина. 10.03.2004. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Rel=95>
3. Об этом подробнее: Бедность и неравенство в России/ Научный семинар Евгения Ясина.

10.03.2004; J. Schwethelm. Russland auf dem Weg zum Sozialstaat? / J. Schwethelm. Internationale Politikanalyse. Europäische Politik. Friedrich-Ebert-Stiftung. – Moskau, 2005. – S. 3–7.

4. Это государства, которые являются членами Организации международного сотрудничества и развития (OECD).

5. Schmid, J. Vergleichende Wohlfahrtsforschung / In: J. Schmid. Wohlfahrtsstaat im Vergleich. – Opladen (2. Aufl.). – 2002.

6. О методологии сравнительного анализа социальной политики см. в: Schmid, J. Vergleichende Wohlfahrtsforschung/J. Schmid. Wohlfahrtsstaat im Vergleich. Opladen (2. Aufl.). – 2002.

7. Flora, P., Alber, J. Kohl, J. Die Entwicklung der westeuropäischen Wohlfahrtsstaaten // Politische Vierteljahresschrift 18. – 1977. – S. 721; Ullrich, G.C. Soziologie des Wohlfahrtsstaates. Eine Einführung /G.C. Ullrich. Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2005. – S. 157.

8. Ullrich, C.G. Soziologie des Wohlfahrtsstaates. Eine Einführung / C.G. Ullrich. Frankfurt/New York: Campus Verlag. – 2005.

9. ЗИММЕЛЬ, Г. Как возможно общество? / Г. ЗИММЕЛЬ. <http://www.musa.narod.ru/zimm2.htm>

10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: Прогресс, 1992. С. 302–352.

11. Однако уровень жизни свободного крестьянства в Англии был выше, чем в Германии, в которой крестьяне в массовом порядке становились бедными. См.: Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / Дж.М. Тревельян. Пер. с англ.

Смоленск:

Русич, 2001. – С. 109–149; Ulrich, J. Op. cit. S. 132–143.

12. Alber, J. Vom Armenhaus zum Wohlfahrtsstaat. Analysen zur

Entwicklung der Sozialversicherung in Westeuropa /J. Alber. Frankfurt /New York: Campus. – 1998.

13. Leibfried, S. Voges, W. (Hrsg.) Armut im modernen Wohlfahrtsstaat // Sonderheft 32 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – S. 272–299.

14. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. В 3 т. / Й. Шумпетер. – СПб., 2001. – Т. 3. – С. 1058.

15. Kaufmann, F.-X. Sozialpolitik und Sozialstaat: Soziologische Analysen / F.-X. Kaufmann. – 2., erweiterte Auflage. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. – 2005.

16. Piachard, D. Wie misst man Armut? / D. Piachard // Leibfried, S. Voges, W. (Hrsg.) Armut im modernen Wohlfahrtsstaat. – Sonderheft 32 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1992. – S. 63–87.

17. Klocke, A. Methoden der Armutsmessung. Einkommens-, Unterversorgungs-, Deprivations- und Sozialhilfekonzepkt im Vergleich // Zeitschrift für Soziologie 29. 2000. – S. 313–129.

18. Самые общие положения можно найти, например, в работе: Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – <http://ek-lit.agava.ru/shumsod1.htm>

19. О концепции «относительной депривации» см.: Townsend, P. Poverty in the United Kingdom / P. Townsend. – Penguin. – 1979.

20. Hauser, R. Zum Einfluss von Äquivalenzskalen auf Ergebnisse zur personellen Einkommensverteilung und zur relativen Einkommensarmut / R. Hauser // In: Menkhoff, L. Sell F.L. (Hrsg.): Zur Theorie, Empirie und Politik der Einkommensverteilung. Festschrift für Gerold Blümle. – Berlin-Heidelberg: Springer. – 2002. – S. 175–189; Kohl, J. Armut in internationalen Vergleich. Methodische Probleme und empirische Ergebnisse / J. Kohl // Leibfried, S. Voges, W. (Hrsg.) Armut im modernen Wohlfahrtsstaat. Sonderheft 32 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1992. – S. 280; Piachard, D. Op.cit. – S. 75.

21. Strengmann-Kuhn, W. Erwerbstätigkeit und Einkommensarmut: Armut trotz Erwerbstätigkeit? / W. Strengmann-Kuhn // In: Büchel, F. (Hrsg.). Zwischen drinnen und draussen. Arbeitsmarktchancen und soziale Ausgrenzung in Deutschland. – Opladen: Leske & Budrich. – 2000. – S. 139–151.

22. Lewis, O. The Culture of Poverty / O. Lewis // In: Moynihan D.P. (Hrsg.). On Understanding Poverty. Perspectives From the Social Sciences. New

POVERTY AND FIGHT AGAINST POVERTY IN WELFARE STATES: CONTEMPORARY SITUATION AND PERSPECTIVES

I.L. Sizova

In the article trends and perspectives of fight against poverty in contemporary democratic states are analyzed. Traditional and innovative methodologies of evaluating poverty are compared. The author makes a conclusion that contemporary approaches to definition of poverty in welfare states offer the most adequate ways of reforming the present system of social welfare and alternative means of fight against poverty.

York/London: Basic Books. 1968. S. 187–199.

23. Beywl W. Soziale Sicherung. Bundeszentrale für politische Bildung /W. Beywl. – Berlin, 1994.

24. Leisering, L., Voges, W. Erzeugt der Wohlfahrtsstaat seine eigene Klientel? Eine theoretische und empirische Analyse von Armutsprozessen / Leibfried, S. Voges, W. (Hrsg.) Armut im modernen Wohlfahrtsstaat. Sonderheft 32 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1992. – S. 446–472.

25. Andress, H.-J. Leben in Armut: Analysen der Verhaltensweisen armer Haushalte mit Umfragedaten / H.-J. Andress. – Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1999.

26. Lamnek, S., Olbrich, G., Schäfer, W. Tatort Sozialstaat: Schwarzarbeit, Leistungsmissbrauch, Steuerhinterziehung und ihre (Hinter)Gründe / S. Lamnek, G. Olbrich, W. Schäfer. – Opladen: Leske & Budrich. 2000; Oshmiansky, F. Faule Arbeitlose? Zur Debatte über Arbeitsunwilligkeit und

Leistungsmissbrauch // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2003. – B. 6–7. – S. 10–16; Wogawa, D. Missbrauch im Sozialstaat. Eine Analyse des Missbrauchsarguments im politischen Diskurs / D. Wogawa. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. – 2000.

27. Kronauer, M. «Soziale Ausgrenzung» und «Underclass»: Über neue Formen der gesellschaftlichen Spaltung // In: Leviathan, 25. – 1997. – S. 28–49.

28. Häussermann, H., Kapphan, A. Berlin: Bilden sich Quartiere sozialer Benachteiligung? // H. Häussermann, A. Kapphan // In: S. Herkommer. (Hrsg.). Soziale Ausgrenzung. Gesichter des neuen Kapitalismus. – Hamburg: VSA. – 1999. – S. 1187–1208.

29. Room, G.J. Social Exclusion, Solidarity and the Challenge of Globalisation / G.J. Room // International Social Welfare 8. – 1999. – S. 166–174; Siebel, W. Armut oder Ausgrenzung? Vorsichtiger Versuch einer begrifflichen Eingrenzung der sozialen Ausgrenzung // W. Siebel // In: Leviathan 25. – 1997. – S. 67–75.

30. Скотт Л. Гриер. Уроки европейских государств всеобщего благосостояния / С.Л. Гриер // Стенограмма лекции. «Русские чтения». Институт общественного проектирования. <http://www.inop.ru/reading/uroki/>

31. Heinze, R. G., Olk, T., Hilbert, J. Der neue Sozialstaat. Analyse und Reformperspektiven / R.G. Heinze, T. Olk, J. Hilbert // Freiburg i.B.: Lambertus. – 1988.

32. Vobruba, G. Die Entflechtung von Arbeit und Essen. Lohnarbeitszentrierte Sozialpolitik und garantiertes Grundeinkommen / G. Vobruba // In: M. Opielka, G. Vobruba (Hrsg.): Das garantierte Grundeinkommen. Entwicklung und Perspektiven einer Forderung. Frankfurt/M.: Fischer. – 1986. – S. 39–52.

33. О различных вариантах модели негативного налога см.: Scharpf, F. W. Von der Finanzierung der Arbeitslosigkeit zur Subventionierung niedrigerer Erwerbseinkommen / F.W. Scharpf // Gewerkschaftliche Monatshefte 44(7). – 1993. – S. 433–443.

34. International Social Programme (ISSP); Module Social Inequality II (1992) und Role of Government III (1996) // In: Ulrich, C.G. Op.cit. – S. 209–217.